

Олег Копытов

*Мой друг
Вовка
Кораблёв*

Олег Копытов

**Мой друг Вовка
Кораблёв. Повесть**

«Издательские решения»

Копытов О.

Мой друг Вовка Кораблёв. Повесть / О. Копытов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833282-1

Совершенно реальная история о нереальной дружбе. Которая началась в фантастическом городе у предгорий сказочных гор, продолжалась в серой зимней Москве, а потом... Это повесть-жизнь, с заостренными поворотами, закругленными квадратами, с радостью и печалью... Даже за ее границами.

ISBN 978-5-44-833282-1

© Копытов О.
© Издательские решения

Мой друг Вовка Кораблёв

Повесть

Олег Копытов

© Олег Копытов, 2016

ISBN 978-5-4483-3282-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Впервые я встретил его в Народном театре... Или мы уже были знакомы?.. Нет, то есть – да... в общем, кажется, впервые я встретил его в Народном театре... Причем приход именно Вовки Кораблева я плохо помню.

Помню, как пришел я сам. В первый же день и час, заикаясь и грассируя, обещал свою картавость очень быстро исправить, скромно сидел на лавке всё занятие... Помню, как пришел Никульков – весело!.. Хорошо запомнилось, как пришел в Народный театр Лёшка Петров. У него тогда была эффектная для шестнадцатилетнего парня внешность: коротковолосый, почти лысый, но с редкими юношескими усами, они у него, даром что молодые и редкие, но такие уверенные, торчали в разные стороны, как у кота, лицо грубоватых черт – особенно мощный треугольник носа, полные, одновременно чувственные и грубые губы, сильное надбровье... Лёшка представился очень серьезно, чем немало всех рассмешил (впрочем, как выяснится позже, и уважать нас всех заставил): «Петров... (станиславская пауза) Алексей Юрьевич»... Всех, кто уже был в Народном театре до прихода Лёшки Петрова, одновременно поразило его сходство с Маяковским, каким мы его видели на картинках в советских школьных учебниках по литературе...

А вот Вовку Кораблева, его приход помню плохо. Кажется, мы всё же уже встречались с ним где-то, – его и моя мама вместе работали, – ну, не важно. Важна была атмосфера Народного театра, его главреж Абрам Моисеевич Крамер и все мы, такие разные, но все такие молодые, от шестнадцати до двадцати с гаком, все преисполненные какого-то плана, на пороге какого-то прорыва, у каждого своего, но резонирующего так звонко. Я, например, не много не мало, в начале своего жизненного пути вознамерился стать кинорежиссером. Поступать во ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии. Перед последним школьным классом я бросил футбол, которым занимался с семи лет, ездил на соревнования, бывал и лучшим на турнирах, а бывало, обреченно сидел на скамейке запасных, освоил кучу амплуа – от правого нападающего до левого защитника, был весьма приличным «технарём», «дриблёром»... был почти профессионалом, поскольку футбольные университеты я проходил не абы где, а в лучшей команде футбольной школы олимпийского резерва «ЗиЛ» у легендарного в ту пору в городе Фрунзе тренера Акрама Акимовича Юнусова. Сегодня я дал бы ему говорящее прозвище Хан Узбек... Абраму Моисеевичу сегодня я тоже дал бы говорящее прозвище – Вечный Жид русского театра драмы... С типичной семитской внешностью – носом, лысиной, животиком, громко- и многоговорением, хитрым прищуром, репертуаром жестов, слабостью к гонорарам и женскому полу, талантом – в общем-то крепким, но какой-то грустью ограниченным, – вот той загадочной еврейской грустью, они играют долго, Вечные Жиды русского драматического театра, неважно где – в Москве, Питере, Одессе, Кишиневе, Хабаровске или в Душанбе, Алма-Ате, Ташкенте. Они играют кого угодно – председателей колхозов, Диких в «Грозе», Яго в «Отелло» и профессоров в «Дяде Ване», а иногда по прикольной фантазии главрежей – даже Лениных в «Красных конях» на какой-то там траве, но кого бы они не играли, они всегда, даже в молодости, играют старого еврея... Потом уходят в режиссеры. Или профессиональной Драмы. Или хотя бы Народного театра...

Вовка Кораблев был странен прежде всего внешне. Вытянутый овал лица, крупноватый с заметной волной нос; лоб чуть приплюснутый с боков, особенно уже у волос, но высокий; при этом всё какие-то детские глаза, глаза ребенка, которому и хочется и колется выходить в этот непонятный взрослый мир (и в сорок пять у него будут такие глаза). А иногда – холодные, не злые – просто ледяные глаза, с таким выражением, дескать, я-то лучше всех знаю, что нам всем здесь делать, и долго ли, но никогда ничего вам не скажу, точнее – говорить буду много, но так, что поймут немногие, кто между слов читать умеет... Еще он был строен, высоковат, хотя не дылда, не скрывал немного жеманных, хотя не девичьих, манер, при этом, кроме длинноватого носа, имел и ногу чуть ли не сорок восьмого размера...

Особенно Вовка Кораблев контрастировал со своим другом, – с Ильей Тольским. Илья был и надолго остался таким человеком, которого никогда не замечают сразу. Симпатичен, но не броско, мужественен, но совсем не броско, талантлив, боже мой, как классно он танцевал! – но и талант его сразу не разглядишь. Умен и в своей глубине – философ, но это поймешь только через много лет, а пока – простой-простой такой, парнишка из техникума, одним словом... А если бы тогда, осенью 1979-го нам сказали, что через пару лет Илюшка уйдет воевать в Афганистан, в спецназ, и останется живым, всего двое остались живых из той полусотни бойцов той спецкоманды, что зачищала кишлаки от душманов, отползавших в высокогорные кишлаки в свои отпуска, – что несколько раз Илья будет в таких ситуациях, что пока ни в каких экшенах, боевиках не прописаны – мы бы, конечно, не поверили... Совсем не поверили бы, что он всю жизнь пишет и пишет, и всё сжигает и сжигает свой первый второй том «Мертвых душ»...

Поначалу они держались как-то особняком – Вовка и Илья...

Народный театр помещался в левом «притворе» первого этажа Дома культуры фрунзенского завода имени Ленина. Сам завод располагался напротив. Его пятьдесят или сколько там цехов, вытянулись фронтом вдоль огромной, длиной в целый город улицу имени могучего старика Льва Толстого. Заводуправление ЗиЛа (именно его имя носила юношеская футбольная команда, в которой еще так недавно я так упоённо играл) было через железную дорогу, которая от тупика вокзала (далее элементарно шли горы) протекала по Чуйской долине и разветвлялась в казахстанских степях-пустынях налево в Москву и направо в Сибирь. Завод был полувоенным, крупным, богатым, прочным, как сама Советская власть в конце 1970-х годов. Начинался он от эвакуированных в начале войны то ли украинских, то ли белорусских заводов, был усилен в 45—46-ом трофейными немецкими станками и технологиями. Империя любит культуру, а культура любит империю. Это самый прочный союз из любых возможных. В ДК завода имени Ленина было с полсотни студий, кружков, ансамблей – детских, юношеских, взрослых и смешанных, полупрофессиональных и почти профессиональных. Театральных, музыкальных, танцевальных и прочих, а также фото- и даже кино-, и даже народный цирк... Как-то на концерте русских, молдавских и украинских народных танцев, куда молодые актеры Народного театра забрели, поскольку, редко, но бывало, народный режиссер Абрам Моисеевич Крамер заболел, Вовка Кораблев оказался в зрительском кресле рядом со мной. Он долго всматривался в меня сбоку и немного сзади, поскольку я сидел, подавшись на спинку впереди стоящего мягкого красного плюша, и вдруг сказал: «Послушай, а у тебя римский профиль! Нос с четко очерченными ноздрями, нос не греческий, а именно римский: он переходит в лоб, выделяя дуги бровей и переносицу. Глубоко посаженные глаза, волевой подбородок, правда, без ямочки, высокий лоб. Актером ты не будешь, но, может быть, станешь режиссером». Увидев мое удивление и, прямо скажем, смущение, добавил: «Ты не бойся, я – физиономист». Мне, слава богу, уже было известно значение этого слова, но я не нашелся, что ответить, только пробурчал: «Ну, ну...», – и продолжал из черноты зала выхватывать те моменты на залитой светом сцене, когда юбки народных танцовщиц в цветных длинных лентах и ярких красно-

бело-зеленых костюмах изредка совершали верхостремительное кружение, обнажая женских ножек куда выше колена, хотя, блин! – только до коротких белых подъюбников...

Мы репетировали пьесу Алексея Арбузова «Домик на окраине». Для Абрама Моисеевича она была хороша по двум причинам. Пьеса – о военном времени, а посему абсолютно идеологически выдержанна, а во-вторых и главных – почти все персонажи в ней были молоды и поголовно друг в друга влюблены. Единственную взрослую – ну в смысле мужчины лет в 40, – роль Абрам Моисеевич предназначил бывшему актеру Русского драматического театра имени Надежды Константиновны Крупской, но настолько спившемуся и потерявшему цепкость памяти, что его отправили с серьезных подмостков на легкую службу худруком Дэ Ка, где он мог пить спиртное пусть малыми дозами, но сколько влезет, и при этом не потерять креативного образа жизни. Девушек в пьесе играли девушки, в главных ролях – Ольга, Ира, Света; еще в народный театр ходила молодая замужняя женщина, чье имя не столь важно по двум причинам: она никак не тянула, да и не претендовала на какую-либо мало-мальски заметную роль, в свободное от работы в лаборатории завода имени Ленина, от обязанностей жены одного из инженеров этого завода, от народного театра время она посещала еще и студию бального танца, где была в паре с Ильей Тольским, влюблена в него, как кошка, и, разумеется, об этом знали все, кроме мужа... О том, как безумно ревновал ее к Илье Тольскому Вовка Кораблев, я узнаю только через... да... Примерно через 30 лет... На ведущих ролях, кроме спившегося актера, который в силу таланта и чем-то там занятости на репетиции не ходил, были высокий грустный, как кажется, в меру простодушный инженер Коля, почти сразу после премьеры в автокатастрофе погибнет его миниатюрная жена, мы всем театром пойдем к его родителям выражать соболезнование; Володя Никульков – бойкий парень с одноэтажной окраины города Фрунзе, он учился в ПТУ и был из той немногочисленной и малоправдоподобной, но великолепной породы парней с окраины, – может быть, они и сегодня там водятся? – с которыми спокойно и надежно. Мы не просто звали Никулькова Володей, а Кораблева Вовкой, чтобы было удобнее различать тезок, а потому что... как ни крути, Володя – это Володя, а Вовка – это Вовка, несмотря на французский язык, белые брюки и припудренный нос последнего... Впрочем, если быть совсем честным, иногда мы производили эдакую номинативную конверсию, а иногда даже звали то одного то другого Владимиром... Еще одну заметную роль – шестнадцатилетнего паренька Данилы, который хочет добровольцем на фронт только потому, что тайно влюблен в девушку лет на пять старше себя, которая тайно влюблена в сорокалетнего мужчину, – должен был играть либо я, либо Вовка... Лёшка Петров, Илья Тольский и еще два парня (которые ходили редко, имен их я не запомнил) должны были выносить в финальной сцене гроб с Колей.

...Помню, почти всю черно-белую, она редко бывает чисто белой, киргизскую зиму мы репетировали «за столом». Коля путался в своих словах, даже читая их с двухкопеечной школьной тетрадки, девушки заламывали руки и поднимали вверх личики... Абрам Моисеевич (за спившегося актера): «Что Вы читаете? Надо же – «Манон Леско»!». Светка Кормилицына: «Ах, как на свете много разного, интересного! Я всё хочу узнать!» Я только что избавился от своей картавости (детская поликлиника возле Ошского базара, кабинет логопеда, пятилетняя малышня и пятнадцатилетний капитан в велюровом синем пиджаке с накладными карманами, до сего срока легкомысленно говоривший увулой, а теперь сидящий на маленьком, для пятилетних малышей стульчике и старательно булькающий настоящим языком, упертым в небо), но не до конца, и не мог подавить комплекса: ««Здгг-асте!»... Извините: «Зд-ррр-астье»...» Именно «за столом» Абрам Моисеевич обкатывал свой любимый прием. Когда ему доставало интеллигентно объяснять роль, показывать, уговаривать, он просто орал и стучал кулаком по столу. «Это не просто телефон звонит, это твоя судьба звонит! Понял?! А ты едва мордочку поворачиваешь! Ты весь должен содрогнуться, тебя током ударило. Несколько

раз ударило! Понял?.. Телефон! Телефон! Телефон!» Кричал страшный дядька Моисей и бил железным посохом по камням...

Однажды остались после репетиции, уже где-то в полдевятого вечера: возникла идея сделать какую-нибудь сценку, «капустничек» к 23 февраля. Сделали. Потом к 8 Марта. Сделали. Смеялись от души даже самым своим плоским шуткам, хотя не плоских было, наверное, побольше. Оставаться после репетиции вошло в привычку. Ставили сценки, сочиняли юморные стишки, просто трепались. Илья со своей дамой иногда танцевали новый свой танец. Раз сыграли в карты на раздевание. Когда Володя Никульков остался в одних трусах, а барышень надоело прощать и оставлять полностью одетыми, прекратили... Как-то попробовали «покрутить тарелочку». Коля нас подбил, не кто-то другой, подумать только. На одном «спиритическом сеансе» Бисмарк на вопрос: «Куда ведут все дороги?» – лениво ответил: «В Москву»; на другом Наполеон авторитетно заявил, что любая женщина хочет только одного – ...господа офицеры, молчать!...; с затаенным страхом вызвали и Сатану, он ничтоже сумняшеся послал нас всех на..р.

Потом шли «провожаться». Конечно, это войдет в традицию. Шли прямым сквером, темными дворами до остановки у железнодорожного моста на широкой всегда яркой огнями Советской, откуда уезжали Коля, Ольга, Вовка Кораблев и Володя Никульков, потом провожали в один из центральных районов с манящими своей прочностью двухэтажными «сталинками» Ирку, похожую на актрису Любовь Полищук, и Светку, похожую только на Светку, потом Лёшка Петров шел в другой центральный район – на Турусбечку – элитную улицу имени товарища Турусбекова с густо живущей здесь киргизской «золотой молодежью», где у Петрова был миллион друзей, потом мы с Ильей брели в район похожей на главную улицу Костромы Московской перед её впадением в могучий и широкий бульвар Молодой Гвардии, похожий только на самого себя, с дубами, карагачами, сиренью, вязами и елями...

Моим лучшим другом в Народном театре стал Лёшка Петров. Это было наиболее естественно. Мы оба учились в выпускном, десятом классе средней школы, были полными ровесниками, любили приключения и рок-музыку – от Pink Floyd до Slade, обожали катушечные магнитофоны, запиленные виниловые диски и хриплый вокал на чужом, для нас, недоучей, загадочном языке, когда можно так свободно и грубо-романтически фантазировать. В отличие, например, от сравнения меня с Ильей Тольским и Вовкой Кораблевым, которые учились в архитектурном техникуме, были каждый на три года старше меня: лет до тридцати разница в три года все же существенна. Кроме того, эти ребята были равнодушны к рок-н-роллу и не скрывали свою слабость к диско, – о как классно станцевали они как-то на пару – во время наших традиционных провожаний, возле остановки на Советской, под плоский кассетный магнитофон, льющуюся из него песню «...та-да-да-да-да-ДА – та-да- да-да-да – та-да-да-да-та-да-ДА...» – Summer Night City, ABBA. Очень синхронно и очень по-пацански танцевали, только в исполнении Тольского чувствовалась какая-то пластика шаолиньских монахов, которые танцуют под свеженькую Аббу, но которым скоро на войну, а в движениях Вовки была какая-то пусть правильная, но угловатость... И, конечно, вряд ли я бы сильно задружил с Володей Никульковым: при всех его человеческих валентностях, я имел с ним мало общего... Я люблю вспоминать, – в том числе в художественной прозе, – о том, как мы с Лёшкой Петровым поступили на филфак Киргизского университета, организовали целую коммуну в квартире моей будущей первой, недолгой и весьма странной жены, на курс нас старше, какие феерические шабаши мы устраивали, будучи на первом курсе филфака, на даче моих родителей в горах Ала-Тоо; как рванули однажды из столицы Киргизстана на зимние каникулы на две недели по маршруту Фрунзе – Москва – Архангельск – Котлас – Москва – Кострома – Москва – Одесса – Николаев – Киев – Фрунзе... Как однажды он вытаскивал меня, провалившегося под лед на речке Тихая Сосна в городке Острогжске под Воронежем, как однажды он прислал мне

том «Божественной комедии» Данте, открытку с изображением здания аэровокзала Борисполь под Киевом и пропал без вести навсегда... Но это – отдельная повесть... Я лишь хочу сказать, что расстояние от «знакомого» до «друга» часто кажется совсем маленьким, грань между «знакомым» и «другом» тонка и прозрачна, но иногда ее переходят за два дня, а иногда за много-много лет... Хотя... Конечно, многие люди так и живут всю жизнь на тонких границах, ни в какие страны в своих отношениях не двигаясь...

Моя компания из Народного театра иногда пересекалась с другими моими компаниями. Например, одноклассника и одновременно коллеги по занятиям карате, а кто из парней в позднюю пору Советского Союза не пробовал заниматься карате? – Сашки Сенника. Иногда мы приходили на квартиру к Сашке Сеннику с Вовкой Кораблевым, Ильёй и Лёшкой. Его мать, учительница, умерла, а отец днями и ночами пропадал на военном заводе. Сашка занимался фотографией, у него была неплохая подборка слайдов хороших рок-групп, особенно Kiss, он был дороден, блондинисто-смазлив, важен, вальяжен, часто смешно инфантилен, и милый такой хвастун... Лучшими кентами Сашки Сенника были наш каратешный гуру – чьи правильные черты были вырезаны уже хохлясто-турчастью, крепенький и невысокий Юрок из двухэтажного барака у парка Фучика, года на три нас старше, он всегда улыбался, шутил, совсем рано женился и имел очень сурового батю, которого ласково называл «Мой мизантроп», что не мешало Юрку жить как сибарит всё то время, когда он не работал, в смысле приходил с работы с завода сельхозмашин за этим самым парком имени Юлиуса Фучика; кроме того – вечный объект насмешек Сашки Сенника Игорь Шадрин в нелепых очках в роговой оправе, любитель варить самогон, он не любил самогон, он любил варить самогон, фанат Nazareth и всем, кроме образования, похожий на Пьера Безухова; кроме того, худощаво-интеллигентный Сергей Макрынин, он любил подписываться McCrypin, поскольку умел расшифровывать заумные тексты Pink Floyd, мечтал о карьере археолога, но впоследствии не стал даже кандидатом исторических наук (несмотря на отца член-корра), объясняя это так: надо же пожить и для себя. Я тоже был кентом Сашки Сенника, как впрочем, и Игоря Шадрина, и Юрка... Да многих. Многие видели во мне если не лучшего, то хорошего друга. Сегодня я понимаю почему. Я очень самолюбив (как и большинство людей), но подкидываю другим горячие угольки собственного самолюбия аккуратно и маленькими дозами. А главное – умею и даже люблю слушать. Знакомых, соседей и даже незнакомых. Сколько раз именно ко мне приставали полусумасшедшие в поездах, электричках и трамваях с короткой, а то и не очень короткой исповедью. Мне просто что-то рассказать, потому что я не стану сразу переводить стрелки на себя, любимого, я, пусть иногда и просто из протокола, но дослушаю всё, что мне станут рассказывать о себе другие, до конца дослушаю и даже задам несколько вопросов... До сих пор полностью не понимаю, зачем мне это нужно...

Маленькая квартирка-двушка Сашки Сенника и его отца была на пятом этаже худой пятиэтажки, выходившей миниатюрным балконом на чудесную, зеленую, в тяньшаньских елях и карагачах – дальше шел весь в сирени бульвар Дзержинского – привокзальную площадь города Фрунзе, чуть сбоку и сверху похожую на яркую картонную детскую игрушку-раскладушку, на которую поставили тяжеленькую скульптурку военкома Михаила Фрунзе на вздыбившемся коне, с такими натуралистически налитыми шарами под крупом. Понятно, как городские остряки называли это место в качестве места запланированных встреч...

Чаще всего мы устраивали на квартире Сашки Сенника то, что сегодня я бы назвал интеллектуальной пьянкой. Это когда употребляют спиртное не ради эйфории, а только как технический ритуал, сопровождающий милый трёп. О чем трёп? Конечно, о смысле жизни. Правда, на примере всё той же рок-музыки, карате, рассуждений об особенностях женской расы, доказательств преимущества темно-синих джинсов Montana над тщедушно-голубенькими любой

марки, Сашкиного бахвальства, молчания Шадрина, шуточек Юрка и моих воспоминаний о Москве и Питере, в которых я бывал иногда, а иные никогда...

Впрочем, там бывали и какие-нибудь девчонки, но дальше танцев-зажиманцев дело не шло, да и бывали девчонки там редко, как редки, хотя и постоянны исключения из правил русской орфографии...

Однажды (такое не часто, но бывало) во время «интеллектуальной пьянки» перебрали. От еще одного друга Тольского и Кораблева – Виктора Калинина, который очень редко, но тоже с нами пересекался, я узнал через недельку, что они втроем тогда добавляли водной феерии городским фонтанам под желтыми и красными фонарями, рядом с мощными розовыми кустами в центре, возле ЦУМа, наконец, сели в последний троллейбус, что вез в микрорайоны (решили ночевать все у Вовки, его родители иногда позволяли), проспали свою остановку, проехали до самого конца микрорайонов и вообще города на конечную у самых гор, зачем-то залезли на девятый этаж строящегося дома, широкий в кости Виктор и худой, но крепенький Илья за малую провинность, сущий пустяк – слишком громкое нытьё о своем тяжелом житье-бытье, высунули Вовку в оконный проем на девятом этаже и держали за ноги вниз головой, чтобы успокоился... И он действительно успокоился, и вынули его... ржущим вполне жизне-радостно...

...Нет, дорогой мой читатель! Это я только что придумал. Вернее, слышал звон, да знал, откуда он... То есть когда-то слышал от Тольского и Калинина что-то подобное, при недостаточных ресурсах памяти хорошо работает фантазия. Да и не пили спиртного Тольский, Калинин и Кораблев в таких количествах, чтобы уснуть в троллейбусе... Недавно я специально написал Виктору Калинину, разумеется, по e-мейлу, и он мне ответил, что история с Вовкой, когда его держали за ноги вниз головой на крыше высокого здания, на самом деле была несколько иной. Хотя тоже любопытной. Калинин после техникума работал на промышленной окраине города Фрунзе, на улице Алмаатинской, где стояла высотка машиностроительного НИИ. Как-то к концу работы Вовка и Илья за Виктором заехали. Настроение у ребят было приподнятым. В соответствии с ним они поднялись на крышу высоченной серой тумбочки научного института и ходили там по парапету. Этого им показалось мало. Илья и Виктор взяли за ноги Вовку, который по парапету не ходил, боясь уронить свой новый белый берет, и свесили с высоты девятого этажа. Тот так дорожил своим белым беретом, что даже не стал цепляться за крепкие руки ребят или парапетные стойки и всё придерживал обеими руками драгоценный берет... Да! Заливался при этом своим неповторимым смехом пусть глуховато, но очень жизнелюбиво...

Чем ближе был день премьеры, тем более прорисовывались две новых тенденции... Я сказал «две»?.. Нет, три. Во-первых, тем больше стало приходиться новеньких. Во-вторых, тем больше мы внутри труппы стали как-то разбиваться на пары, встречаться парами по отдельности, душевно парами беседовать... В-третьих...

Впрочем, обо всем этом по порядку и на примерах.

Новенькие действительно, прямо скажем, зачастили. Абрам Моисеевич либо проявлял к ним здоровый скептицизм и дальновидную осторожность и ставил на роли 3-го и 4-го гробовщиков – как, например, одного очень грустного и очень маленького не паренька даже, а мальчика, чего он со своей смертельной тоской в сиротских глазах хотел в народном театре получить? Чугунным катарсисом он, кажется, уже был на всю жизнь обеспечен... И ну вот, убей меня, не помню, как звали одного очень интеллигентного, очень коммуникабельного молодого человека, он жил недалеко от меня, на моей же улице (имени всероссийского старосты, однофамильца Виктора), я раньше его не видел, он увлекался игрой в «Спортлото» и всё время бросал курить... Абрам Моисеевич, несмотря на то, что времени до премьеры оставалось маловато, роли новеньким давал, но ставил их на уже дважды занятые роли третьими исполнителями,

не очень-то скрывая, что если они и будут в спектакли введены, то много позже основных актеров... Но вот – кажется, это всё же был единственный случай, – он сразу поставил одну новенькую на главную роль первой исполнительницей, на место Ольги, которая была чуть ли главным ветераном молодежной труппы Фрунзенского народного театра при ЗиЛе. Ну, типа Ермолова в театре имени Ермоловой. Соперница Ольги, разумеется, была натуральной блондинкой с упругими грудями под шелковой блузкой с перламутровыми пуговицами, стремящимися отлететь в разные стороны, очень ярко и очень красно накрашенными губами и густой чернотой вокруг глаз. Правда, на мой вкус, она носила безвкусную серо-зеленую юбку из тяжеловатой ткани, и ноги ее оставляли желать лучшего... Хотя, в принципе, сегодня, когда мне... ну еще не 62, но уже и не 40, – я Абрама Моисеевича понимаю, но тогда мы, первопроходцы прилагаемых обстоятельств и первостроители мизансцен, блондиночку возненавидели, обозвали, как в таких случаях водится, Белобрысой, и стали искать пути, как её из театра шугнуть. Как только пришла эта куколка, Абрам Моисеевич стал на одном пространстве с ней смешон, становился всё смешнее, на глазах терял свой авторитет в наших глазах – когда, словно мальчишка, вился львиную долю репетиционного времени вокруг Белобрысой, теплея своими маленькими глазками, но не видя того, что она совершенно деревянно произносит текст, а не играет роль, и этого никогда ничем не исправишь. Мы всё сильнее тшились Белобрысую из театра выпроводить. Но нам в голову лезли не планы, а только самые глупые фантазии, например, как мы, однажды оставшись после репетиции, напоим ее водкой от пятки до самых перекрашенных губ... не помню, что потом мы с ней сделать хотели... Как мы разыграем на репетициях сложную интригу ложного, тяжеловесного партнерства, и Абрам Моисеевич, наконец, рассмотрит бесталанность Белобрысой, вообще-то видную невооруженным глазом... Володя Никульков, со свойственным ему темпераментом, вообще пошел далеко и сказал: «Так! Есть одни ребята, очень конкретные ребята, они таких ставят возле стены, где уже нарисованы бубны, пики, червы и крести, и фотают голых... – Ага! Не забудьте хотя бы эсесовскую пилотку на нее надеть, – сказал Коля. – Не надо ничего, я с ней просто поговорю, объясню»... Коля дождался момента, когда Абрам Моисеевич на репетиции всё же подкрикнул на Блонди (хотя я бы так сказал: подвизгнул), пошел Коля её провожать и, видимо, действительно хорошо и правильно с ней поговорил. На наших репетициях она больше не появлялась. Абрам Моисеевич грустил, конечно, но недолго... Кстати, к Коле тоже приставили конкурента, но кроме того, что Коля инженер, а конкурент был фрезеровщиком (не забыли еще о правильных классовых раскладах в СССР?), других преимуществ у конкурента не было и быть не могло... И только абсолютный паритет и все тяжелее день ото дня вопрос был у нас с Вовкой Кораблевым, – всё-таки кому из нас играть на премьере Данилу, кого из нас выберет Абрам Моисеевич?... Но, как ни странно, именно в это время мы с Вовкой достаточно сблизились... То ли у Тольского и Калинина было всё меньше времени на Вовку, а, как я понял со временем, Вовка – из тех людей, кому обязательно, постоянно, близко – всегда нужен кто-то. Да! Прежде всего – для того, чтобы рассказывать и рассказывать о себе. О себе целиком, но пуще – о своих деталях, детальках, чертах и черточках. Но еще и делиться... Чем? А вот хотя бы тем, как необыкновенно, как здорово, как полевые цветы, пахнут страницы только что добытого с огромным трудом, свежего, еще никем другим не заласканного томика Гюстава Флобера...

Да, у нас бывало, что мы как-то – особенно в сравнении с нынешними временами, – совершенно бесцельно, непрагматично, и, упаси Господи, конечно же, целомудренно встречались по парам просто погулять в городе. Помню с молодым человеком, имени которого, я, вот убей меня опять, никак не могу вспомнить, созвонились вечером и пошли гулять по периметру района «возле „Октября“» – то бишь по улице Московской, бульвару Молодой Гвардии и проспекту Ленина близ кинотеатра «Октябрь»... наслаждаясь весной и рассказом этого человека о том, как хорошо жить тому, кто бросил курить. Как много запахов и звуков он теперь может впитывать, каким спокойным быть в новенькой курточке-ветровке, опасность которой быть

прожженной в трех местах стала минимальной, как легко дышать носом и не кашлять... Часа два, между прочим, гуляли, и я всё это с интересом слушал... Сам я, конечно, так курить и не бросил (хотя – всего десятый класс, стаж-то был всего полгода, курил тайно от родителей), да и этот парень скоро, через пару недель опять зашуршал свежевскрываемыми пачками «Космоса»... С Вовкой тоже... точнее – чаще всего, – могли ни с того ни с сего созвониться и пойти гулять. Например, в центр. Где центральный стадион «Спартак», о котором у меня так много щемящих воспоминаний, и о его скамейках запасных, и о его кругах почета. Где ЦУМ с его фонтанами и розами – а дальше широкая пешеходная авеню до самого цирка, где и красных цветов и мраморных фонтанов еще больше. Между ЦУМом и «Спартаком» – три троллейбусных остановки, но всего одна тема. Например, тот же Гюстав Флобер. Но когда скажешь Вовке: «Я понимаю, почему Флобер на вопрос, кто такая госпожа Бовари, отвечал: „Госпожа Бовари – это я“», – надо ждать долго, примерно от кинотеатра «Ала-Тоо» до кинотеатра «Россия», и терпеливо выслушивать Вовкины благоглупости типа «Ах, как много в женщине мужского, а в мужчине женского!», – и только потом закончить, как по лбу Вовке стукнуть: «Потому что самый лучший актер на свете – писатель!» – и наслаждаться победой, потому что Вовка тогда совсем рассердится и будет пороть уже такую несусветную чушь, которую цитировать в приличном обществе, дорогой мой читатель, нет уже никакой возможности...

Знаменитый своим жаром и пожарами 2010-й год. Начало августа. Я в Петербурге. Здесь тоже жарко. Но нормально жарко, не так, как в Москве, не под 40, всего 30, и смога нет, с Финского залива дует легкий ветер. И всё же жарко... Впрочем, когда и Невский, и Дворцовая площадь, и Петергоф, и Смольный-Казанский-Исаакий-Морской-Невская-лавра и Мойка с Фонтанкой и Каналом Грибоедова, а также Кронверкский проспект – каждый день, две недели, три, а будет больше-больше, залиты солнцем – это нечто, это что-то!.. Звоню на домашний телефон Ирине Фонтэн. Она жила в Париже, общалась и даже работала с Вовкой.

– Алло, здравствуйте, Олег Копытов вас беспокоит, я звонил вам из Хабаровска, хотел бы встретиться, поговорить с вами о Володе Кораблеве.

– Да, да, я помню. Ну, давайте, сегодня я не очень занята.

– Нет, вы знаете, сегодня я хотел только созвониться, может быть, мы сегодня только обговорим, где и когда, а завтра встретимся?

– Ну, давайте, правда, завтра мне могут звонить целый день... Но давайте...

– Я, право, не знаю, как удобнее, я в Питере давно не был, но вот, может быть, как-нибудь по-старинке стандартно, я не знаю, в Михайловском саду, близко к Пушкину на скамейках или к Спасу-на-крови...

– Ой-ой, нет! Меня эта жара уже достала, я уже пятнами от нее покрываюсь, никакие панамки не спасают. Уже сердце. Ехать куда-то – ни за что!.. А вы где остановились?

– Я тут со всей семьей, мы у друга на проспекте Авиаконструкторов, это ближе к Комендантскому проспекту, но на метро ездим от «Пионерской»...

– Ой, замечательно! Вы знаете, давайте на Черной речке, прямо у метро есть такой симпатичный японский ресторанчик – «Тако», вот давайте в нём, я знаю, вот, от Авиаконструкторов даже на каком-то автобусе... Ну, не могу номер припомнить, но и даже на автобусе напрямую до «Черной речки» можно...

– Хорошо, допустим, завтра в час дня. Только вот, знаете, я с женой буду, ладно, она в юности с Вовкой, то есть с Володей, не была знакома, но вот в этом году по телефону часами общалась.

– Хорошо, хорошо. У вас есть мой сотовый? Записывайте...

– Я завтра часиков в двенадцать, перед тем как ехать на «Черную речку», вам позвоню...

Ресторанчик находим не сразу. Что-то эта загадочная Фонтэн как-то малоопределённо сказала – «сразу слева от метро». Сразу слева здесь – киоски с цветами и мороженым. В прин-

ципе можно догадаться, что нужно идти налево по Савушкина пока не упруешься в какую-нибудь красную шишку... Ах, да – красными сосновыми шишками увешаны китайские рестораны во Владивостоке, японский ресторан в Питере – это, наверное, какие-нибудь раздвижные двери и темно-коричневые перила на коричневых верандах, а также завитушки на треугольной крыше... Ага! Вот и они. Она сказала, что будет на веранде, одна за столиком, в блузке цвета хаки... Ага! Вот и она.

Улыбаюсь, как старому знакомому, точнее – давней знакомице, и целую руку, точнее, утыкаюсь в ее короткие пальцы неуверенно поданной руки своими жесткими прокуренными усами... Как неловко я буду вспоминать о том своем ловком знакомстве, особенно из головы не идут бросившиеся в глаза резко, неотступно, недокрашенная седина на её голове и большое пятно на её блузке спереди, наверное, часто и упорно, но тщетно стиранное, едва заметное, едва проступающее сквозь мутно-зеленый цвет, но всё же...

Ей пятьдесят, в ней спрятались какие-то восточные, может быть, армянские крови. Она пьет зеленый чай из маленького темно-коричневого чайничка, между прочим, почти такие мы видели, что в Кунсткамере в отделе древней Японии, что в затрапезном торговом павильончике на центральном рынке города Хабаровска в китайских рядах; мы заказываем – овощной салат и пиццу; видя это, она говорит официанту: «А мне – большие роллики!» Официант мнется. Я с ужасом понимаю, что он не понимает, что такое роллики: не видит за суффиксом корня «ролл» – и лихорадочно путает их с роликами. Она хочет казаться в доску своей в этом ресторанчике, недаром она раз пять нам с ходу сказала, что здесь завсегдатайка, и живет вот в той сталинке напротив, и часто здесь бывает... Трём красной теплой ароматной салфеткой-полотенцем свои руки и смотрим на руки официанта-таджика с хитрым прищуром, – его, не грязные ли? Он быстр, рук не видно... И я, и Фонтэн курим беспрестанно. Моя жена ужасается виду пиццы – тонкой, но с руль от «Тойоты». На веранде только мы, это хорошо...

– Понимаете, как правило, я пишу книги без особого плана, как правило, сам образ у меня складывается в голове заранее, хотя неуловимо... В смысле – без деталей, но как-то... ну цельно. А в этот раз всё наоборот. Я помню из нашей с Вовкой юности массу разных деталей. Я могу назвать массу его черт и чёртчек, могу припомнить довольно живо немало эпизодов, но вот они, словно какие-то рассыпанные пазлы, не складываются во что-то цельное. Не знаю, может быть, потому что я еще не сел писать... – говорю я от какого-то дурацкого полуволнения много. И тут невпопад и коряво и с каскадом «как» спрашиваю: – Скажите, а как профессиональный художник, как выпускница училища Серова, как вы к его картинам относитесь? Он мне говорил: однажды он картину за триста тысяч продал.

– Чего, рублей?

– Вроде бы евро!

– Ха! Ну за триста евро, я б еще поверила! Но тысяч – ха!.. Ну как, ну портреты он не умел писать. У него всегда получалось какое-то одно лицо. Какая-то одна девушка с немного разным настроением. А тем более – руки. Руки всегда я ему писала. С цветом он работал так, по наитию... – она читает мне свой маленький, еще, по-видимому, студенческий конспект по теме «цвет».

...Мы разговариваем уже почти час. То ли я не умею спрашивать, утратил свои журналистские навыки, то ли плохо подготовился, то ли она умело от моих вопросов бежит. Она еще больше перепутала мои пазлы. Она говорит много, но... ни о чем. Сперва изредка, а потом и не совсем изредка, о себе. О своей тяжелой жизни, вначале в Париже, теперь – в Питере... Ругает нашего общего знакомого Кристиана Грейнера. О Вовке – мало, только под моим нажимом, и отвечает общими словами. Ничего не рассказывает конкретно. «Доброта», «смелость», «талант». Да так про любого можно сказать... А впрочем, может быть... Может, мои концы о Вовке только этими тремя узелками и связываются?

Решаюсь на совсем реальный вопрос.

– Скажите, а вот Володя мне весной говорил, что он как бы не бедствует, что и с картин денежка набегаёт, и с выступлений в клубах, и с... – ну, он кем там ещё, как это по-французски, не знаю... юриконсультот. Это так?

– Ой, да какой юрист?! На пособия он всю жизнь живет! У него там за апатрида пособие, да еще и за болезнь. И копейки всё, поверьте, копейки!.. – Но я никогда не видела его ноющим! – добавляет она, и вновь надевает интеллигентскую маску... Потом говорит фразу, после которой всё становится ясно... точнее – туманно, туманнее не бывает: – Вы знаете, мне всегда нравилось его умение, когда его приглашают в ресторан, так достойно это принимать!

Ирине Фонтэн, действительно, звонят по сотовому. Не так часто, как она предупреждала, но звонят. После одного из звонков она спешит откланяться. Лезет в сумочку за деньгами.

– Ну что вы! – я улыбаюсь широко, как только возможно. – Мы за всё заплатим, и не думайте возражать.

– Ну я хотя бы дам им номер своей дисконтной карты!

Она уходит. Мы любуемся цветами на веранде и кусочком улицы Савушкина с добротными, еще советскими домами. Вокруг – древесная прохлада. За столиком возле нас появляется пара, где молодой мужчина очень настороженно смотрит в меню и о чём-то очень серьезно попеременно разговаривает то с официантом, то со своей спутницей. Расслабиться обок зануд – не в кайф. Мы просим счет. Ловкий таджик быстро кладет на стол лоскуток бумажки и исчезает. Там – 880 рублей. В графе «дисконт» вместо фамилии Фонтэн вижу фамилию типа «Кирпичникова». Нет, если бы я с годик потусовался в Париже, я придумал бы себе псевдоним попроще – какой-нибудь Олег Депассан!.. В нашем кошельке царит единообразие. Кладем на стол один «ярославль» и уходим, точнее, я почти за руку увожу жену от напрасного ожидания сдачи от таджикского гарсона японского ресторана в городе Петрограде...

1980-й год. Апрель. От буйства сирени, её кипения, её запаха, на бульваре Дзержинского в городе Фрунзе, шириной бульвар – ровно с Бродвей, а машин почти нет, одна сирень – с ума можно сойти! Скоро – премьера в Народном театре. Потом – выпускной в школе. Потом – университет!.. Олимпиада в Москве, вот еще забыл. Обязательно поеду, как поступлю... Кайф! «Lilah! Lilah! Delilah!..»

...Абрам Моисеевич был необычайно сосредоточен, раздавал программки. По две на руки каждому актеру. Узкие сдвоенные листочки еще пахли типографской краской. Напротив имени Данила стояли – первым Владимир Кораблев, вторым, то есть ниже – Олег Копытов. Земля стала уезжать у меня из-под ног... но быстро вернулась. Карандашная птичка стояла напротив моей фамилии, моей!.. Как ни странно, на эту репетицию Вовка не пришел – знал, что ли?.. Не пришел он и на следующую, которая была уже генеральной – прогоном. Точнее, он пришел на прогон только в самом начале, мы еще сидели в нашей длинной комнате, на своих красных плюшевых лавках возле стены, еще не пошли узкими служебными переходами дворца культуры на саму сцену. Вовка пришел совсем ненадолго и вел себя более чем странно. Он ни с кем не поздоровался, только кивнул... да, небрежно кивнул Абраму Моисеевичу, решительно направился к Илье и почти приказал: «Пойдем, нам сдавать курсовую, ты что, хочешь всё завалить?» Илья недоуменно отвечал: «Какая курсовая? Два месяца до защиты, ты о чём, вообще?» Кораблев куда-то девал свою обычную жеманность, был резок и колюч: «Марь Иванна четко сказала: черновики сдавать сегодня, иначе никому не поставит! Пойдём!» Обычно решительный, но иногда и мудрый в сторону невмешательства Абрам Моисеевич всё видел, ситуацию читал, в том числе беспардонное попрание его авторитета, в том числе совершенно неинтеллигентную реакцию на его «птичку», миновавшую Вовку Кораблева, и севшую, синей птицей, на не очень широкое плечо Олега Копытова... В общем, Крамер ни полциком не вмешивался. Вовка схватил Тольского за руку, намереваясь утащить силой. Крепкого бойца, бессменного второго могильщика так просто с генеральной репетиции не утащишь... Вовка огрызнулся

взмахом чуба, которого у него никогда не было, резко вскидывая длинные, с большими ступнями, в белых узких чуть расклешенных брюках ноги – быстро ушёл...

Конечно, сегодня я могу сформулировать довольно просто: и по фактуре – и мне и Даниле примерно по семнадцать лет, по-мальчишески миловидны, и «по психике» – оба скорее интроверты, чем экстраверты, во всяком случае, где-то себе на уме, не камень, но что-то только своё оба всегда за пазухой держат, – я более подходил на эту роль, чем Кораблев, да и в течение наших длинных, в полгода рядов репетиций я всё прибавлял в актерской технике, а Кораблев, скорее, приобретал простенькие штампы, чем действительно рос... Тогда я просто ловил кайф от удачи, втайне надеясь, что эта не последняя, что удач в жизни будет много, и – тоже втайне, почти не признаваясь сам себе – ...Вовку жалел... На всю жизнь мне запомнилось его перекошенное резкими чертами лицо в тот момент, когда он, как от каких-то будущих катастроф, пытается утащить Илью Тольского с генеральной репетиции... Сегодня понимаю – не Тольского, себя самого... Предопределенно безуспешно...

Прошла генеральная. Чудно прошла сама премьера...

В то время я вел дневник... Не дневник даже, а такую толстую общую тетрадь, куда записал тщательный план подготовки поступления во ВГИК (среди пунктов был такой: «январь: прочитать не менее 500 специальных и вообще хороших книг – к июлю...»)... Читал, выписывал фразы. Например, из Марка Твена – писал, помню, по-английски, ибо выписал из учебника английского языка: «Everybody is a Moon and has your dark side which don't show nobody». «Каждый человек похож на Луну: он тоже имеет свою темную сторону, которую не показывает никому»... Не знаю, чем меня эта фраза зацепила, ведь, вспоминая себя сейчас, временами в юности я был почти святым. Нет, ну в самом деле? Вот по нынешним временам, что сделал бы молодой человек, испытай он впервые в жизни артистический фурор? Ну, вот такой молодой человек, каким его показывают сейчас по телевидению? Если бы сегодняшняя юноша впервые собрал свой большой шумный концерт, что-нибудь в этом роде, наверное, – пусть покажусь вам старым брюзгой и циником, – он как минимум напился бы в кругу дружков, аль один, а то и – коли место есть и средства позволяют – позвонил бы куда надо и вызвал проституток, а то и продлил бы... Я же после премьеры в Народном театре пришел домой, взял с полки томик Есенина и принялся читать «Анну Снегину»... А через пару дней родители отправят сестру к дедушке с бабушкой, сами уедут куда-то в село в гости, я почти на весь день останусь в пустой квартире и на всю жизнь запомню, с каким упоением на вечерней кухне, именно на кухне, рядом с плитой, чайником, чашками, я до полночи читал Пушкина, буквально обложившись десятками томами ПСС с золотыми корешками... Ну нет, не святым, – конечно, святым я не был, хотя бы потому, что мы тоже – не сразу, но премьеру в Народном театре отметили, с вином, водкой, шутками и прибаутками, песнями и танцами народов севера, я, кажется, слишком фривольно вел себя с Ирккой, старше меня лет на пять, похожей на актрису Любовь Полищук, – хотя такое между своими было крайне непринято... Хотя нет, на самом деле, не внешне, а где-то внутри себя самих, – отметили премьеру грустно и тихо: догадывались, и были тому основания, что премьерный спектакль «Домика на окраине» будет первым и последним, и вообще в таком составе больше ничего поставлено не будет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.